ЧЕМУ ЭРНСТ ЮНГЕР МОЖЕТ НАС НАУЧИТЬ О БЛАГОГОВЕЙНОМ ТРЕПЕТЕ

Чему мы учимся на войне и сами у себя шестилетних

СЭМ АЛАЙМО

Мыслитель. "Морской котик". Колумбийский университет. Статьи о значении и трудностях. А также инжир и собаки.

Джон Мартин. Великий день Его гнева. 1851.

Некоторым удается переосмыслить свой боевой опыт. Очень мало тех, кому удается выразить его словами. И есть только один Эрнст Юнгер.

В настоящее время благоговение так востребовано, потому что оно встречается столь редко.

Подозреваю, что те, кто живет в мире, спокойствии и безопасности, могут извлечь важный урок благоговения из двух, казалось бы, не связанных между собой вещей — войны и детей.

Начнем с войны.

Бросаясь на землю под огнем, я становился свидетелем мгновения между двумя разными мирами. Существовала целая вселенная между первым миром, где я спокойно наслаждался видом простиравшейся передо мной речной долиной, полной пещер, и вторым миром, где я продвигался на позиции противника.

Происходит нечто странное. Время замирает. Мое внимание заостряется на мельчайших зазубринах по краю одной-единственной травинки; глухом ударе пули по сырцовым кирпичам; первозданном аромате хны, которую афганский солдат, стоявший рядом со мной, втирал себе в пальцы ранее днем; и пугающе идеальной гладкости одного-единственного козьего катышка.

Внезапно каждое мгновение становится осмысленным, сверхреальным, значительным.

Внезапно каждое мгновение становится предметом благоговения.

Эрнст Юнгер знал, как напомнить мне о воспоминаниях, на воскрешение которых я редко трачу время. Иногда он помогает мне облечь в слова воспоминания, которые я просто хранил в своем непробиваемом сознании, - тот период жизни, когда я был больше озабочен накоплением опыта, чем извлечением уроков из этого опыта. Юнгер был глубоко вдумчивым человеком. Он воплощал в себе душу воина-поэта больше, чем любой другой послуживший мне примером человек. Он моя Муза.

Юнгер писал о грандиозном сражении Первой мировой войны, в котором он пробирался через полные грязи траншеи, колючую проволоку, усеянные трупами полосы смерти. Это был нескончаемый поток бросаемых гранат… он останавливался, ожидая раззрывов… затем рывок и стрельба, повторяемые до тошноты “под облаками шрапнели”; спотыкание и ползание по трупам шотландских горцев с безжизненными мускулистыми ногами под клетчатыми килтами, воинов, чья манера ведения боя напомнила Юнгеру: “мы имели дело с настоящими мужчинами”; замирание и наблюдение за тем, как солдат за солдатом валится от пуль снайперов, гранат-лимонок и визжащих мин; о том, как застрелил “шотландца, который впоследствии написал мне

теплое письмо из Глазго с точным описанием места, где он получил свое ранение"; о том, как помочился в опустевший водяной охладитель пулемета "Максим", чтобы отбиться от наступающих; и, наконец, о том, как обезумел, рванувшись вперед, чтобы добить отступающего врага и получить пулю в грудь.[1]

Он описывает момент, когда обнаружил, что лежит ничком на земле: "Я предположил, что меня ранили в сердце, но перспектива смерти не причинила мне ни боли, ни страха. Падая, я увидел гладкие белые камешки на грязной дороге; их расположение имело смысл, оно было так же необходимо, как расположение звезд, и, несомненно, в нем была скрыта великая мудрость. Это занимало меня и имело большее значение, чем бойня, которая шла вокруг меня."

И вот, в ходе одной из самых жестоких битв в истории нашего вида, когда он истекал кровью из раны в груди, пара-тройка белых камешков, разбросанных по гравийной дороге, повергли его в благоговейный трепет.

Давайте осмыслим это.

Итак, что же тогда такое благоговение? По словам социального психолога Джонатана Хайдта, оно состоит из двух частей: во-первых, встречей с огромной, смертоносной силой; во-вторых, не вполне рациональное понимание этой встречи.[2]

Война, как и природа, - это огромная и смертоносная сила. Когда пули и осколки разрывают воздух или рассекают кожу, микроощущение становится макро-пробуждением: сама масштабность происходящего превращает десятую долю секунды в бесконечность жизней. Внезапно будущее, в котором мы были уверены заранее, — предсказуемый переход от учебы к работе, к дому, к пенсии, к тихой смерти в старости — оказывается ничтожным по сравнению со следующим восхитительным вдохом холодного воздуха в наши живые легкие. Внезапно, перед лицом судьбоносных событий, мы обнаруживаем, что являемся не более чем маленькой искоркой сознания, заключенной в части черепной коробки. Как просто. Как необычно. Это пугает и вызывает благоговейный трепет. Важно то, что благоговейный трепет *вызван* ужасом.

Благоговение невозможно понять рационально ни в тот конкретный момент, ни даже спустя десятилетия размышлений над этим вопросом. Я уверен, что Юнгер так и не смог постичь мудрость, скрытую в расположении этих белых камешков. Сам я не понимаю, как один-единственный козий катышек на земле близ моего лица, когда я

---

[1] Jünger, Ernst. *Fire and Blood: A Soldier's Testament*. Translated by Arnold J. Pomerans, New York, Howard Fertig, 1979

[2] Keltner, Dacher, and Jonathan Haidt. "Approaching Awe, a Moral, Spiritual, and Aesthetic Emotion." *Cognition and Emotion*, vol. 17, no. 2, 2003, pp. 297–314. Routledge.

лежал под огнем, мог включить телевизионный экран внутри моего черепа. Я не понимаю, как это телевидение может воспроизвести всю историю жизни на Земле за одну десятую секунды - от бактерии, подергивающейся в первобытном бульоне, до сложности человеческого разума, способного осознавать свою собственную способность к созерцанию. И я не понимаю, как после трех с половиной миллиардов лет рождений, убийств, смертей, хаоса, бедствий, любви, ненависти, жизни за жизнью, я и этот козий катышек сейчас разделяем этот момент вместе в древней речной долине.

Вернемся к настоящему, лишенному благоговейного трепета.

Без таких внушающих благоговейный трепет вещей, как война и природа, очень легко впасть в состояние безразличия. Всем нам это свойственно. Это может звучать примерно так: “Я не вижу смертоносной огромной силы в своей повседневной жизни. Мой опыт подсказывает, что окровавленные килты и вулканы - это вымысел, события, которые происходят на пиксельных экранах или на таких островах, как Вакаари. Мой опыт показывает, что жизнь совершенно понятна; предсказуема; она однообразна; именно поэтому Билл Мюррей в ”Дне сурка" задевает за живое".

Важно то, что взрослые ослеплены своим “опытом”. Как же тогда мы способны вернуть ощущение благоговейного трепета без ужасов войны, окровавленных килтов и вулканов?

Я понял, что испытывал такой же трепет, как и в бою, но на более раннем этапе жизни — когда был ребенком.

Внутри каждого мужчины и женщины с морщинками вокруг глаз и подкрадывающим чувством усталости, однообразия, скуки, все еще живет шестилетний ребенок — их шестилетнее "я".

Давайте снова посмотрим глазами ребенка. Мы впервые видим чернильно-черный космос, сверкающий миллионами голубовато-белых звезд. Нас поражает невыразимое понимание: мы - хрупкие мешочки с кровью, костями и дыханием; космос может уничтожить нас и погасить наши маленькие огоньки. Таким образом, существование - это нечто пугающее и в то же время драгоценное. Нечто огромное и неизведанное. Мы начинаем испытывать благоговейный трепет.

Это все еще истинно, несмотря на всю ту собачью чушь, в которую мы погружаем свои взрослые умы. Несмотря на все наши тревоги, наши цели, наш “опыт”. Это напоминание о том, что если наш повседневный опыт не вызывает благоговейного трепета, то это на самом деле не опыт — это заблуждение, фикция, нарушение законов

природы. Олдос Хаксли сказал: “Опыт - это не то, что происходит с человеком. Это то, что человек делает с тем, что с ним происходит”.

Что тогда?

Важнейшие вопросы, касающиеся спокойствия, умиротворенности и безопасности, заключаются в следующем: будем ли мы относиться к своему повседневному опыту с благоговением? Будем ли мы сравнивать то, что нас волнует, со вкусом одной красной клубники? Будем ли мы сравнивать голоса в наших черепах со звуками дыхания какого—то существа — супруга, ребенка, собаки, - спящего рядом с нами в осознанный момент в тихие ночные часы?

Признаем ли мы, подобно Сократу, как мало мы знаем, и будем ли испытывать благоговейный трепет перед тем, как многому мы можем научиться на этом камне, дрейфующем в космосе?

Будем ли мы подобно детям помнить, что ничего не стоящие белые камешки и козьи катышки имеют значение, потому что значимо время, нам отделенное?

Источник: https://www.whatthen.org/p/what-ernst-junger-teaches-us-about?utm_source=substack&utm_medium=email 16 СЕНТЯБРЯ 2025 г.